

Библиографический список

1. Вольфсон, С. Я. Великий социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова / С. Я. Вольфсон. — Минск, 1922. — 42 с.
2. Вольфсон, С. Я. Вокруг плеханова: плехановская литература за 1922 г. / С. Я. Вольфсон. — Минск, 1922. — 92 с.
3. Вольфсон, С. Я. Диалектический матреализм / С. Я. Вольфсон. — Минск, Белтрестпечать, 1923. — 173 с.
4. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм и медицина: [автореферат доклада, читанного 20 апреля 1929 г. в Научном обществе врачей г. Минска] / С. Я. Вольфсон. — Минск: БГУ, 1929. — 56 с.
5. Вольфсон, С. Я. Марксизм и педагогика / С. Я. Вольфсон. — Минск: Белтрестпечать, 1924. — 47 с.
6. Вольфсон, С. Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория / С. Я. Вольфсон. — Минск, 1926. — 61 с.
7. Вольфсон, С. Я. Семья и брак в их историческом развитии / С. Я. Вольфсон. — Москва: Соцэкгиз, 1937. — 244 с.
8. Вольфсон, С. Я. Социология брака и семьи / С. Я. Вольфсон. — Минск: БГУ, 1929. — 472 с.
9. Навука на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі / рэд. С. Я. Вольфсон. Збор. в 4 т. — Мінск: Бел. акад. навук, Ін-т філасофіі, 1931. — Т. 1, ч. 1. Ідэалогія і метадалогія нацдэмакратызму. — 87 с.
10. Дубовик, А. К. Научная и общественная деятельность С. Я. Вольфсона / А. К. Дубовик, Е. А. Дубовик // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы междунар. науч. конф., Минск, 8—9 декабря 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. — Минск: Белорусская наука, 2012. — С. 392—398.
11. Каценбоген, С.З. БГУ в 1921—1922: итоги и перспективы / С. З. Каценбоген. // Труды Белорусского государственного университета. — № 2—3. — 1922. — С. 326—356.
12. Мысливченко, А. Г. Философия в России (советский период) // Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное / А. Г. Мысливченко / Под общей ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. — Москва, 2014. — С. 689—694.
13. Памяць і слава: БГУ 1921—1941 / Склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. — Мінск: БГУ, 2006. — 383 с.

Петаченко Григорий Алексеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

**РОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.**

События октября 1917 г. подавляющее большинство представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы встретили негативно, и в партийной среде не было единого мнения, как относиться к такой позиции. Пролеткультовцы, занимавшие радикальную позицию в отношении профессуры и в целом по высшей школе, предлагали ликвидировать университеты и создавать собственную пролетарскую науку. Другая позиция, которой придерживалось большинство руководящих работников партии и лично В. И. Ленин, состояла в сохранении университетской системы с лишением вузов всякой автономии, но при полной перестройке преподавания всех наук

на марксистской основе, проведении переподготовки преподавателей. Все, кто не пожелает включиться в этот процесс, должны быть уволены. Поскольку советская власть остро нуждалась в специалистах для восстановления народного хозяйства страны, вторая точка зрения одержала победу. Партийное руководство постоянно демонстрировало научному миру свою заинтересованность в сотрудничестве, при этом используя все возможности для нейтрализации влияния на ученых той политической активной части интеллигенции, которая выступала против советской власти.

Весной 1918 г. В. И. Ленин выдвинул свою концепцию в отношении к т. н. буржуазным специалистам, в которой отмечалась необходимость их использования в целях восстановления народного хозяйства [7, с. 13]. В целом эта концепция отражала лишь возможность сотрудничества с отдельными представителями старой интеллигенции. Взаимоотношения вузовской интеллигенции и советской власти осложнялись несопадением взглядов на университетскую автономию, в которой большевики видели не автономию управления высшей школой, а автономию ее от советской власти, «так как управление ею было сосредоточено в руках «реакционной» профессуры» [14, с. 175].

По мнению руководителя Народного комиссариата просвещения А. В. Луначарского, необходимо было покончить с идеей автономии высших учебных заведений и подчинить высшую школу общему плану культурного и социалистического строительства [12, л. 44].

Летом 1918 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание деятелей высшей школы, в работе которого приняло участие 400 представителей от профессорско-преподавательского состава, студенчества и губернских отделов народного образования [15, с. 66]. На совещании не удалось выработать общую точку зрения, поскольку представленные политические взгляды и планы преобразований вузовской системы, не совпадали с позицией Наркомпроса РСФСР. С 4 по 8 сентября 1918 г. в Москве проходило второе совещание по реформе высшей школы, в его работе участвовали представители тех же групп, что и на первом совещании, но количество делегатов от студенчества равнялось общему числу представителей от профессуры. Несмотря на это, на совещании из-за возражений профессуры и части студенчества вновь не удалось утвердить положения проекта, предложенные Наркомпросом РСФСР, об установлении коллегиального управления во всех подразделениях университета и отмены ученых степеней [15, с. 255].

Для минимизации влияния старой профессуры декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. была ликвидирована прежняя система научной аттестации: отменены все научные степени и звания. Звание профессора получали все научные работники, которые имели не менее трех лет стажа преподавания, а те, кто проработал в вузе более 15 лет, освобождались от занимаемой должности и могли продолжить работу исключительно по результатам всероссийского конкурса [10, с. 381]. Таким образом, приоритет отдавался малоопытным преподавателям, не отягощенным «старыми» убеждениями и научными принципами. Тем самым делался первый шаг к пролетаризации кадрового состава вузов.

Однако предпринятая мера не принесла значимых результатов. Как отметил А. Я. Синецкий, первый всероссийский конкурс не оправдал возлагавшихся на него надежд, так как были избраны почти все старые профессора

[13, с. 147]. Профессорско-преподавательский состав вузов проявил корпоративную солидарность в желании помочь друг другу. По данным А. Л. Литвина, в фондах Казанского университета сохранились характеристики, данные генетиком Н. И. Вавиловым казанскому профессору А. Я. Гордягину, биологом И. И. Шмальгаузенем — профессору Н. А. Ливанову, профессором Н. Е. Жуковским — профессору Е. А. Болотову Эти рекомендации помогли им на время сохранить свои должности в результате выборов [8, с. 98]. Уже позже, в 1920—1921 гг., набор первых профессоров в БГУ продолжал осуществляться по рекомендациям лояльной к новой власти профессуры (В. И. Пичета, В. П. Волгин и др.), что нередко приводило к утверждению для чтения лекционных курсов авторитетных, но не просоветски настроенных ученых (А. Ф. Изюмов, В. В. Лепешкин, Д. П. Кончаловский и др.)

Внутри научного мира проходил сложный процесс идейной и политической дифференциации. С одной стороны, значительная часть интеллигенции оставалась непримиримым противником советской власти. В эту группу входило довольно значительное число известных российских ученых, не скрывавших своих взглядов. По мнению Т. Вихавайнена, для интеллигенции, не принимавшей большевистские ценности, время нэпа было нелегким. Неудивительно, что у власти было стремление нейтрализовать данную группу научной интеллигенции, и вследствие этого некоторые из них оказывались «вовлечены» в антибольшевистские заговоры [2, с. 89]. Примером может служить дело об организации профессора Н. С. Таганцева. Исследователи М. Я. Геллер и А. М. Некрич считают, что это следственное дело было сфабриковано Петроградским ЧК [4, с. 89]. В одно дело были объединены не связанных между собой дознания членов различных антибольшевистских групп. В августе—декабре 1921 г. различные сроки заключения получили 230 человек, многих из которых затем расстреляли. Обращает на себя внимание позиция В. И. Ленина, ответившего категоричным отказом на просьбы родных и близких, среди которых были и известные ученые, о смягчении приговора [2, с. 89].

С другой стороны, достаточно малочисленная часть интеллигенции, но очень важная для власти, активно поддерживала проводимую политику. Уже чуть ли не сразу после октября 1917 г. возникла небольшая группа сторонников большевиков из числа профессуры: К. А. Тимирязев, И. М. Губкин, О. Ю. Шмидт, Н. С. Державин, В. И. Пичета и др. Активную помощь во все большей заинтересованности в сотрудничестве им оказывали партийные работники с определенно высоким научным багажом — А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Н. А. Семашко, П. К. Штернберг, В. В. Адоратский, Н. Н. Батулин (в БССР — В. Г. Кнорин, В. М. Игнатовский, А. Г. Червяков и др.) и др., которые, кроме своей непосредственной партийной работы, занимались и преподавательской деятельностью. Но, несмотря на прилагаемые усилия, удельный вес «левой» профессуры в начале 1920-х гг. оставался крайне незначительным. А. В. Луначарский в докладе на X Всероссийском съезде Советов, проходившем в декабре 1922 г., отмечал, что преданная советской власти профессура остается численно незаметной прослойкой [9, с. 20].

На состоявшемся 12 сентября 1923 г. в Москве общем собрании коммунистов — научных работников вузов и секретарей вузовских партячеек — обсуждался вопрос о повышении роли научных работников-коммунистов в жизни высшей школы. Основная цель собрания — максимально объединить усилия

коммунистов, ведущих научно-педагогическую работу в вузах. Было принято решение «Установить институт уполномоченных научных работников-коммунистов, которые должны находиться в постоянной связи с бюро фракции секции научных работников, с научными работниками и с комячейкой своего вуза; наладить учет всех коммунистов — научных работников; прикрепить всех научных работников вузов к ячейкам своего вуза» [6, с. 78]. Общее же положение вызвало опасения у партийного руководства. В частности, в 1924 г. в МВТУ из 400 представителей профессорско-преподавательского состава в партии состояло всего двое, в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева из 193 преподавателей лишь семеро были членами партии, во II МГУ — из 548 только 20, а в ЛПИ в начале 1925 г. только один коммунист был в числе 330 преподавателей. В целом число членов партии среди профессорско-преподавательского состава в вузах РСФСР увеличилось с 3,4 % в 1924 г. до 6,5 % в 1925/26 уч. г. [13, с. 34]. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. низкая численность преподавателей-коммунистов в вузах ограничивала возможности эффективного воздействия на весь преподавательский состав высшей школы в русле его «перевоспитания».

По мнению ряда советских и современных российских исследователей, большинство представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы принадлежали к группе политически нейтральных. Эта третья группа занимала промежуточное положение между двумя полярными политическими позициями. Политическая и социальная адаптация этой группы стала для партийного руководства главной задачей. Большое распространение в этой группе получило сформировавшееся в начале 1920-х гг. новое общественно-политическое течение «Смена вех». Его идеологами являлись профессоры Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин. «Националистическое по своей сути, оно видело в большевиках продолжателей «русской идеи». Движение поддерживалось большевиками финансово, и, возможно, было инспирировано ГПУ, считает Т. Вихавайнен [2, с. 145]. По мнению А. М. Некрича и М. Я. Геллера, главное практическое значение «сменовеховства» для советской власти заключалось в следующем: интеллигенция была расколота, она либо активно выступала против власти большевиков, либо пассивно их не принимала. «Сменовеховство» давало легитимность большевикам, захватившим власть, объявляя их подлинными наследниками русской истории. Оно оправдывало все методы управления, используемые новой властью. В начале 1920-х гг. «идеология примиренчества», идеология «сменовеховства» была встречена в эмиграции резкой критикой, нередко негодованием, осуждением, как предательство [4, с. 155]. Тем не менее, она смогла пошатнуть позиции многих сомневающихся, повернуть их к признанию советской власти: согласно официальным данным, в период 1921—1931 гг. в СССР вернулось около 10—12 % эмигрантов [1, с. 57].

Партийное руководство, постоянно демонстрировало научному миру свою заинтересованность в сотрудничестве, при этом используя все возможности для нейтрализации влияния на ученых той политически активной части интеллигенции, которая выступала против советской власти. В этой работе широко использовались СМИ, которые призывали к сотрудничеству с советской властью. Рефреном многочисленных публикаций была мысль-установка, что «местные партийные организации должны отказаться от своего обычного

до сих пор отношения к работникам просвещения как к саботажникам, какими они давно перестали быть, если даже когда-нибудь и были. Такое отношение в настоящий момент является серьезной ошибкой. Seriously вредящей делу советского строительства» [11, с. 302]. В 1920 г. профессор Н. А. Гредескул, в недавнем прошлом один из лидеров партии «Народной свободы», опубликовал ряд статей в «Известиях ВЦИК», в которых призывал интеллигенцию к активному сотрудничеству с советской властью: «Участие старой, уже существующей интеллигенции в новом строительстве так же необходимо для успешного начала социального переворота, как участие старого офицерства было необходимо для переустройства и побед Красной армии» [5, с. 2].

Однако в начале 1920-х гг. общая политика по отношению к интеллигенции была достаточно жесткой, прагматичной и бескомпромиссной, хотя и с проявлениями гибкости. В современной историографии преобладает мнение, что партия выбрала политику «кнута и пряника», смысл которой заключался в различном подходе к различным группам интеллигенции и даже группам наук. В отношении профессорско-преподавательского состава, результаты научно-педагогической работы которого можно было использовать на практике и которые не оказывали влияния на идеологические основы советской власти, осуществлялся более либеральный подход. Достаточно сложно формировались отношения власти и представителей гуманитарных наук. Основная проблема состояла в том, что для большевиков было характерно желание перестройки общества на научной основе: считалось, что марксизм обладает тем научным мировоззрением, которое способно осуществить данное строительство. Те, кто не разделял этот принцип, считались «врагами на идеологическом фронте». В 1922 г. из Советской России за границу высланы наиболее политически активную часть интеллигенции [3, с. 12]. Это был акт устрашения, демонстрации силы власти в отношении всех остальных интеллигентов. Главное, что таким образом интеллигенция не только принуждалась к сотрудничеству, но еще более интенсивно размежевывалась идейно и политически.

Библиографический список

1. Бригадина, О. В. Три волны российской советской эмиграции (1917—1991 гг.): учебно-методический комплекс для студентов исторических факультетов специальности D210301 «История» / О. В. Бригадина. — Минск. — 2003. — 320 с.
2. Вихавайнен, Т. Внутренний враг: борьба с мешанством как моральная миссия русской интеллигенции / Т. Вихавайнен. — СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. — 412 с.
3. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923 / Сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова. — М.: Русский путь, 2005. — 544 с.
4. Геллер, М. Я. Утопия у власти / М. Я. Геллер, А. М. Некрич. — М.: МИК, 2000. — 856 с.
5. Гредескул, Н. А. Интеллигенция на переломе // Известия ВЦИК. — 1920. — С. 2.
6. Иванова, Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927) / И. В. Иванова. М.: Наука, 1980. — 392 с.
7. Ленин, В. И. Проект постановления СНК о приеме в высшие учебные заведения РСФСР / В. И. Ленин. Полн. собр. сочинений. Т. 37. — С. 34.
8. Литвин, А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов / Власть и наука, ученые и власть: 1800-е — нач. 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н. Н. Смирнов / А. Л. Литвин. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 96—102.

9. Луначарский, А. В. Доклад Наркомпроса на X-ом Всероссийском съезде советов / А. В. Луначарский // Народное просвещение. — 1923. — № 2. — С. 20.

10. О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений / Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. Т. 3. [подгот. к печати С. Н. Валк и др.]: — Политиздат, 1964. — 664 с.

11. Работники просвещения / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / под ред. И. Д. Давыдова. — 2-е доп. изд. — Л.; М.: Народный ком. прос. РСФСР — тип. Им Воровского, 1930. — 382 с.

12. РГАСПИ. — Фонд 17. — Оп. 60. — Д. 60. Л. 44. Доклад Народного комиссара по просвещению РСФСР.

13. Синецкий, А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР / А. Я. Синецкий. — М.: Советская наука, 1950. — 236 с.

14. Финкель, С. Советская власть и интеллигенция / Власть и наука, ученые и власть: 1800-е—нач. 1920-х гг.: Материалы международного научного коллоквиума / Отв. ред. Н. Н. Смирнов / С. Финкель. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 173—184.

15. Чанбарисов, Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917—1938) / Ш. Х. Чанбарисов. — М.: Высш. шк., 1988. — 255 с.

Ходзін Сяргей Мікалаевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

РОЛЯ ВУЧОНЫХ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў ВЫПРАЦОЎЦЫ І РЭАЛІЗАЦЫІ КАНЦЭПЦЫІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ МАДЭРНІЗАЦЫІ Ў БССР Ў 1920-Я ГГ.

Імклівыя працэсы глабалізацыі актуалізуюць пытанне аб магчымасці выбару ўласнай мадэлі развіцця. Сучасныя формы эканамічнага, сацыяльнага і культурнага развіцця грамадства абаяраюцца на традыцыі, маральныя абавязкі, гістарычна сфарміраванае паняцце аб справядлівасці. Трансфармацыйныя працэсы па-рознаму ўздзейнічаюць на чалавека ў залежнасці ад узросту, полу, узроўню адукацыі і культуры, прыналежнасці да пэўнай сацыяльнай групы.

Розныя сацыяльныя формы мадэрнізацыі пад уплывам унутраных, а таксама знешніх фактараў могуць чаргавацца як этапы трансфармацыі грамадства. Мадэрнізацыя ў адрозненне ад трансфармацыі прадугледжвае дакладна вызначаныя мэты, якія стаяць перад грамадствам, неабходнасць палітычнай волі і наяўнасць эліты, якая гэтыя мэты фармулюе і рэалізуе. У выніку фарміруюцца розныя мадэлі і скіраванасць мадэрнізацыйных працэсаў, а іх змена прадугледжвае барацьбу эліт і транслюемага імі светапогляду.

Для разумення пераемнасці розных перыядаў нашай гісторыі выключнае значэнне мае вывучэнне сістэмы каштоўнасцей, звычак, традыцый, рэлігійных і міфічных уяўленняў, а таксама абумоўленых імі форм сацыяльных паводзін. Вяртанне да гісторыі як навукі аб чалавеку дазваляе ўлічыць спосабы, якімі культура ўплывае на чалавечыя паводзіны ўвогуле і эканамічныя паводзіны ў прыватнасці, а таксама садзейнічае разуменню гістарычна склаўшыхся ўяўленняў аб справядлівасці. Гісторыкі маюць справу не з нейкай абстрактнай чалавечай істотай, а з чалавекам, які жыве пэўным часам, у канкрэтнай мясцовасці, мае свой жыццёвы і генетычна запазычаны вопыт продкаў [1].